

ставляющей которой мы увидели в сегодняшнем докладе, а также в иных, более эконоцентричных работах А.В. Бузгалина, должна быть не симуляционной, а онтологической. Поэтому сейчас, как мне представляется, есть две тенденции в мировом мейнстриме. Это, во-первых, постмодерн и его разновидности. И, во-вторых, что-то, что претендует на преодоление постмодерна. Поэтому и нужно разделять между собой то, что сейчас называют словом «креатив» (и его производными — «креативный класс», «креативное действие»), ибо в одном случае идет речь о подлинном творчестве, в другом — об имитации и симуляции, о производстве симулякров.

Да, действительно, от России ждут нового миростроительного проекта.

Русская культура и философия дают мировому сообществу некоторую надежду на то, что именно здесь появятся какие-то новые идеи в области онтологии, в области представлений о человеке и Боге, в области моделей новой социальности.

Сейчас у нас главное — это трубопровод, а некоторые ждут, когда же построят ИДЕЕПРОВОД.

Но на чем основано подобное ожидание? На чем зиждется наше, а также нередко встречающееся за российскими пределами представление о не востребуемых возможностях России, шире — всех восточнохристианских народов?

Они заключаются вовсе не в генетическом коде, о котором мы сегодня много говорили. (Я так и не понял, чем он в России лучше, чем у других). И не в «загадочной русской душе», упоминание о которой превратилось в ироническую шутку либо в «прикол» для иностранцев, гостей в Москве, — наряду с матрешками, балалайками, икрой и водкой. Но возможное преимущество, которое заложено в культурной матрице и которое, так получилось, развивалось в контексте восточнохристианских культур (не только русской, но и греческой, грузинской, украинской, сербской), связано с трансцендентностью. Трансцендентность в этих культурах выступала не периферийным явлением, как в культурах западноевропейских.

Трансцендентность, выход за узкие имманентные пределы бытия, в этих культурах выступала в качестве мейнстрима.

Подобная способность русской культуры к трансцендированию и настроенность на него и есть определенный ресурс, который сегодня может быть востребован в глобальной конкуренции миростроительных проектов. И сейчас речь следует вести о преодолении постмодерна, о преодолении антимодерна, о создании нового неомодерна или сверхмодерна. То есть речь должна идти о повышательном тренде. В этом контексте я вижу перспективу для левых идей. Для антимодерна или контрмодерна, в который нас сегодня запикивают, социал-демократические идеи и соответствующая риторика априори неактуальны.

Единственно, что для меня в докладе осталось загадкой: почему сторонники левого проекта в России готовы признать Сибирь и ее природные богатства достоянием всего человечества? Неужели их на это вдохновила Мадлен Олбрайт?

Путь России — неоиндустриальное развитие

М.В. Ремизов, кандидат философских наук

Мне близок один из основных тезисов доклада, который касается того, что опорной ставкой политики развития должны стать сферы социализации, сферы воспроизводства человеческого капитала. Недавний опыт Бразилии, где левыми правительствами была сделана ставка на опережающие инвестиции в человеческий капитал, кажется привлекательным. Тем более что мы пока, по большому счету, не видим тех новых технологических локомотивов экономического роста, новых прорывных отраслей, о которых говорил В.Л. Римский. А значит мы должны делать то, что в любом случае необходимо, — вкладывать в социальную и материально-техническую инфраструктуру.

Но я остановлюсь не на том, с чем согласен, а на том, что у меня вызвало сомнения.

Первое сомнение связано с тем, что эта сфера «социальной занятости» совсем не является по преимуществу сферой креативности и вообще связана с так называемой «креатосферой» довольно косвенно — может быть, на 2%. А на 98% сфера социализации — это сфера стандартизации. Шаблоны, которые лежат в ее основе, могут быть более качественными или менее качественными, но в самом их функционировании и воспроизводстве я вижу больше сходства с индустриальной экономикой, чем с экономикой ремесленной или с идеалом свободного творческого процесса, постиндустриальной экономикой малых творческих групп и т. п. По крайней мере, по умолчанию отождествлять эту сферу с креатосферой мне представляется неправильным.

Дальше, если мы говорим о стандартах, без которых социализация немыслима, то всегда возникает вопрос: кто и как задает эти стандарты? Если образование и воспитание являются главными сферами общественной жизни, то мы должны четко понимать, кого именно мы хотим образовать и кого именно мы хотим воспитать. В принципе, те модели образования и воспитания, которые у нас исторически сложились в Российской империи и Советском Союзе, имели более-менее внятный ответ на этот вопрос. Российская империя, с точки зрения своего культурно-образовательного стандарта, может быть описана как становящееся национальное государство, формирующееся вокруг русского культурного ядра. В чем-то похожее на Францию, в чем-то — на Германию. Так или иначе, это путь развития европейского государства со своеобразной сложной имперской историей.

В основе советской образовательной модели лежала вполне определенная «кодифицированная» идеология или, если угодно, наднациональная утопия. На выходе, однако, получалось нечто структурно напоминающее проект американской нации. То есть проект универсалистский по своему со-

держанию, но создающий вполне действенную, устойчивую локальную идентичность.

В любом случае, говорить о превращении социализации в базовую отрасль без определения роли тех формирующих структур коллективной идентичности, которые лежат в ее основе, конечно, возможно, но явно недостаточно.

Следующий момент, который касается уже экономических отношений. В намеченной модели я не вижу выхода из тупика периферийного развития. Я не вижу здесь тех сфер производства высокой добавленной стоимости, которые могли бы не только обеспечить искомый новый образ жизни, но и обеспечить нам как стране не периферийное место в мировом разделении труда. Впрочем, возможно, это и не предполагается, поскольку упоминания о том, что эти критически важные 2–3% населения, обеспечивающие высокопроизводительные, автоматизированные производства и создающие материальную основу жизни общества, должны действовать в России, я не услышал. Если же они действуют за рубежом, то, вполне вероятно, что это будет специфической версией периферийного капитализма, усугубленной тем, что этот периферийный капитализм будет преподносить нам отсталость как добродетель, а не как нужду. То есть колониальная зависимость будет преподноситься нам под соусом экологичного образа жизни и социалистического «опрощения». Такая форма колониализма может оказаться еще более отталкивающей, чем та периферийная псевдоимперия, которая есть сейчас.

С идеей нового образа жизни, отсекающего все лишнее и оставляющего лишь подлинно необходимое, есть еще одна сложность. Если принять эту идею как основу для нового общества и новой экономики, то она потребовала бы для своей реализации некоего нового ригоризма в культуре, сопоставимого с пуританским ригоризмом Кальвина, который знал, что лишнее, а что необходимое. Но я не вижу этого нового ригоризма, этого пуританства, которое подскажет, что лишнее, а что необходимое. Без этого нового пуританства

концепция нового образа жизни, отсекающая все лишнее, наверное, работать не будет.

И последнее. Несмотря на ту моду, которая сложилась вокруг концепции постиндустриального общества, я вполне убежден, что для России нет более важной экономической повестки, чем повестка неоиндустриального развития. Хотя бы потому, что наша страна инфраструктурно все еще крайне слабо освоена. Кроме того, она, к сожалению, не может себе позволить скандинавскую модель расходов на оборону. Причем не может не только из соображений государственного престижа, но из соображений элементарной общественной безопасности, поскольку без надлежащей защиты остатки цивилизации на этой территории могут быть сметены достаточно быстро.

Хочу завершить свой комментарий библиографической аллюзией. Недавно обсуждали книгу Аттали о Марксе и говорили много о том, что близкого и интересного нашел этот идеолог финансового правого глобализма в Марксе. Во-первых, я полагаю, он в полной мере оценил вольную или невольную помощь Маркса в борьбе финансового капитала с промышленным, потому что острие аргументов Маркса направлено против промышленного капитала. Эта борьба была тогда чрезвычайно актуальна, остается она актуальной и сейчас. Я вижу и у нашего уважаемого докладчика аргументы именно против промышленного капитала. Под каким бы соусом они не приводились, они могут быть использованы далеко не во благо. Во-вторых, он не мог не оценить помощь Маркса в борьбе глобального капитала с национальным капиталом и национальным государством. Этот мотив в докладе также прозвучал, когда было сказано о том, что ресурсы принадлежат человечеству.

Но все дело в том, что такого субъекта как человечество не существует. Зато существуют субъекты в лице национальных государств и в лице транснациональных компаний. Идеология, которая от имени человечества отнимает ресурсы у национального государства, работает на транснациональные

компаний. К сожалению, при всей симпатии к отдельным его устремлениям, я вполне убежден, что так называемый альтерглобализм, он же антиглобализм, является еретической версией глобализма как такового, его революционным передовым отрядом, который объективно обслуживает интересы транснациональной глобализации.

Долгосрочные прогнозы давать трудно, но можно предложить желательные направления действий органов власти и элиты

В.Л. Римский

Я бы предложил некое дополнение к тому, что мы сегодня слышали и обсуждали. Мне представляется, что в современной ситуации наша страна находится в некой точке бифуркации. Поясню, что я имею в виду. Из этой точки практически по всем параметрам, которые мы можем измерить, развитие может пойти примерно с равными вероятностями в самых разных направлениях. Если по каждому возможному направлению развития отложить величину вероятности его реализации, то получится совокупность векторов, концы которых будут лежать на поверхности, по форме близкой к многомерной сфере, примерно равноудаленной от точки бифуркации. И давать какой-то прогноз относительно того, куда реально это развитие пойдет, каким будет его результат, вообще говоря, невозможно, потому что траектории этого развития примерно равновероятны для реализации. Можно сказать, что сфера этих траекторий немного вытянута по направлениям с большей вероятностью развития, но эти различия с другими направлениями минимальны, поскольку их вероятности ненамного отличаются от наибольших. Поэтому довольно сложно давать долгосрочные прогнозы разви-